

УДК 821.111-053.2(73)

ББК 84(7Сое)-44

P52

Rick Riordan
The Trials of Apollo: THE BURNING MAZE
Copyright © 2018 by Rick Riordan
All rights reserved

Риордан, Рик.

P52 Испытания Аполлона. Горящий Лабиринт / Рик Риордан ; [пер. с англ. К. Овериной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с.

ISBN 978-5-04-096758-2

Смертельно опасное путешествие Лестера Пападопулоса и Мэг Маккаффри продолжается! Следуя пророчеству, бывший бог Аполлон и его юная повелительница Мэг отправляются к Горящему Лабиринту, в котором их ждут новые ловушки. Разгадать все загадки и пройти сквозь огонь (в прямом смысле слова!) — вот их цель. И они должны сделать это не только для того, чтобы Аполлон смог вернуться на Олимп, но и чтобы спасти жизни других. Однако враги сделают все, чтобы помешать им. Что ждет друзей в новом квесте? Какие испытания готовит им судьба? И главное — смогут ли они их выдержать?

Рик Риордан — автор мировых бестселлеров для подростков, лучший современный писатель в детской литературе, по мнению авторитетного издания «New York Times».

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Оверина Ксения, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-096758-2

*Мельпомене, музе трагедии.
Надеюсь, ты собой довольна*

Темное пророчество

*Сгорят слова, что память подарила,
Едва луна над Дьяволом уснет.
Пусть оборотень собирает силы,
Иначе Тибр кровью изойдет.*

*На юг пусть солнце устремит свой ход
Сквозь путаницу к смерти и огню,
Владельца белого коня найдет –
Загадка волю обретет свою.*

*Смелее, Лестер, в западный дворец;
Деметры чадо корни обретет.
Укажет козлоногий удалец
Тот путь, где вражья обувь лишь пройдет.*

*Известны три — и Тибр перед тобой:
Тогда лишь, Аполлон, танцуй и пой.*

1

*Теперь Аполлон
крыса в Лаб...иринте
Нужна помощь. И крупончики¹*

Нет.
Я не желаю рассказывать эту часть истории. Это была самая отвратительная, унижительная, ужасная неделя за всю мою жизнь длинной в четыре тысячи лет с хвостиком. Трагедия. Катастрофа. Горе. От меня вы об этом не услышите.

Почему вы еще здесь? Уходите!

Увы, похоже, у меня нет выбора. Зевс, без сомнения, хочет, чтобы я поведал вам обо всем — это часть моего наказания.

Ему было мало того, что он превратил меня — божественного Аполлона! — в смертного подростка с прыщами и жирком и обозвал Лестером Пападопулосом. Ему было мало того, что мне пришлось отправиться в опасное путешествие, чтобы освободить пять великих древних оракулов от трех злобных римских императоров. Ему было мало даже того, что он отдал меня — когда-то любимого сво-

---

¹ Крупончик — нечто среднее между круассаном и пончиком. (Здесь и далее прим. переводчика.)

его сына — в услужение нахальной двенадцатилетней полубогине по имени Мэг!

Вдобавок ко всему Зевс хочет, чтобы история моего позора сохранилась для потомков.

Отлично. Но я вас предупредил. На страницах этой книги читатель найдет лишь страдания.

С чего бы начать?

С Гроувера и Мэг, конечно.

Мы уже два дня шли по Лабиринту — перебирались через расселины, в которых зияла тьма, обходили ядовитые озера, проходили сквозь обветшалые торговые центры, где работали только лавочки с уцененными товарами для Хэллоуина да забегаловки с сомнительной китайской едой.

Лабиринт умеет сбивать с толку. Он как сеть капилляров под кожей людского мира соединяет подвалы, канализацию, забытые туннели по всему свету, нарушая законы времени и пространства. Можно запросто попасть в Лабиринт через канализационный люк в Риме, пройти десять футов, открыть дверь — и оказаться в учебном лагере для клоунов в Баффало, штат Миннесота. (Не спрашивайте. У меня травма.)

Я бы предпочел вовсе не соваться в Лабиринт. К несчастью, в пророчестве, которое мы получили в Индиане, было ясно сказано: *«Сквозь путаницу — к смерти и огню»*. Веселуха! *«Укажет козлоногий удалец / Тот путь...»*

Да вот только наш козлоногий удалец, сатир Гроувер Ундервуд, похоже, не знал, куда идти.

— Ты заблудился, — сказал я в сороковой раз.

— Вовсе нет! — возразил он, не сбавляя хода.

На нем были мешковатые джинсы, зеленая, крашенная в технике «тай дай»¹ футболка, а козлиные копыта были упрятаны в специальным образом переделанные кроссовки «Нью Баланс 250». На кудрявую голову он натянул красную вязаную шапку. Понятия не имею, с чего он взял, что в таком виде больше похож на человека. Шапка почти не скрывала его рожек. Кроссовки по несколько раз на дню спадали у него с копыт, и я уже устал бегать за его ботинками, как собачка.

Он остановился на Т-образной развилке. Вправо и влево тянулись грубо высеченные в камне коридоры. Гроувер потрепал свою жиденькую бородку.

— Ну? — спросила Мэг.

Сатир вздрогнул. Как и я, он быстро усвоил, что Мэг лучше не злить.

Не то чтобы Мэг Маккаффри своим видом внушала ужас — нет. Она была низковата для своих лет и одета как светофор: зеленое платье, желтые легинсы и красные кеды — всё рваное и грязное, ведь нам не раз приходилось ползти по узким туннелям. В волосах, подстриженных «под пажа», запуталась паутина. Стекла ее очков-«кошечек» были страшно заляпаны: я не понимал, как она умудрялась в них хоть что-то разглядеть. В общем, ее можно было запросто принять за дошкольницу, которая выстояла в нелегкой борьбе за качели из автомобильной шины на детской площадке.

Гроувер указал на правый туннель:

— Я... я уверен, что Палм-Спрингс там.

---

¹ Тай дай — способ окрашивания ткани, при котором ткань сначала особым образом скручивают, а затем красят.

— Уверен? — переспросила Мэг. — Так же как в прошлый раз, когда мы ворвались в ванную и застали там циклопа на унитазе?

— Я не виноват! — запротестовал Гроувер. — К тому же оттуда правильно пахнет. Вроде... кактусами.

Мэг втянула ноздрями воздух:

— Не чую я никаких кактусов.

— Мэг, — сказал я, — сатир наш проводник. Хотим мы того или нет, нам придется на него положиться.

Гроувер фыркнул:

— Спасибо за доверие. Кстати, сегодня еще не напоминал: я не просил, чтобы меня магическим способом призывали и переносили через полстраны — тоже мне счастье, проснуться на крыше вокзала в Индианаполисе на грядке с помидорами!

Держался он храбро, но глаз не сводил с одинаковых колец, украшающих средние пальцы Мэг, — вероятно, опасаясь, что она может превратить их в золотые изогнутые сабли и располосовать его как козленка на кабрито¹.

Узнав, что Мэг дочь Деметры — богини всего, что растет, Гроувер стал относиться к этой девчонке с бóльшим опасением, чем ко мне, бывшему богу-олимпийцу. Жизнь несправедлива.

Мэг вытерла нос:

— Ладно. Просто я не думала, что мы будем бродить здесь целых два дня. Новолуние уже через...

— ...через три дня, — перебил я ее. — Мы в курсе.

Может, вышло грубовато, но напоминать мне об остальных частях пророчества не стоило. Пока

---

¹ Кабрито — традиционное мексиканское блюдо из козлятины.

мы двигались на юг к следующему оракулу, наш друг Лео Вальдес на всех парах мчался на бронзовом драконе в Лагерь Юпитера — учебный лагерь римских полубогов в Северной Калифорнии, — чтобы предупредить его обитателей об огне, смерти и ужасах, с которыми им, вероятно, предстоит столкнуться в новолуние.

Я постарался смягчить тон:

— Будем верить, что Лео и римляне справятся с тем, что грядет на север. У нас же своя цель.

— И огонь, с которым нужно разобраться, — вздохнул Гроувер.

— В каком смысле? — поинтересовалась Мэг.

Гроувер ответил уклончиво — за два дня мы могли бы уже к этому привыкнуть:

— Лучше об этом не говорить... здесь.

Он нервно оглянулся по сторонам, словно у стен были уши, что вполне могло оказаться правдой. Лабиринт — живое строение. И, судя по запаху из некоторых коридоров, по крайней мере кишки у него точно имелись.

Гроувер почесал ребра.

— Я постараюсь вывести вас отсюда поскорее, ребята, — пообещал он. — Но у Лабиринта есть разум. В последний раз, когда я был здесь с Перси...

Лицо его погрузнело — так обычно случалось, когда он вспоминал о прошлых приключениях со своим лучшим другом Перси Джексонем. И я его понимал. Здорово иметь под рукой такого полубога, как Перси. К несчастью, колдовством призвать его на грядку с помидорами было не так просто, как нашего сатира.

Я положил руку Гроуверу на плечо:

— Мы знаем, что ты очень стараешься. Пойдем дальше. И если, принохиваясь к кактусам, ты почув-

ешь завтрак — скажем, кофе и крупончики с лимонно-кленовой глазурью, — будет просто отлично.

Мы повернули направо и пошли по туннелю за нашим проводником.

Вскоре коридор стал сужаться, и нам пришлось согнуться и пробираться по нему гуськом. Я занял место посередине — самое безопасное. Кто-то может упрекнуть меня в малодушии, но Гроувер был повелителем природы и членом Совета козлоногих старейшин. И вроде как он обладал великой силой, хотя при мне ни разу ею не пользовался. Что касается Мэг, то она не только мастерски владела двумя мечами, но и могла сотворить настоящее чудо из семян, которыми запаслась в Индианаполисе.

Я же день ото дня становился все слабее и беззащитней. После битвы с императором Коммодом, в которой я ослепил его божественным сиянием, я не мог призвать и крупички своей прежней божественной силы. Пальцы утратили былую ловкость и с трудом находили нужные лады на грифе боевого укулеле. Я стал гораздо хуже стрелять из лука. Умудрился даже промазать, выстрелив в циклопа на унитаза. (Уж не знаю, кто из нас больше смутился.) Я все чаще просыпался в холодном поту от ужасов, приходящих ко мне во сне. Однако видения, вгоняющие меня в оцепенение, посещали меня все чаще и становились все ярче.

Я не говорил друзьям о своих тревогах. Пока.

Хотелось верить, что мне просто нужна перезагрузка — и сила вернется. В конце концов, испытания в Индианаполисе едва не стоили мне жизни.

Но может быть, дело было в другом. Я был низвержен с Олимпа и приземлился в мусорный бак на Манхэттене в январе. Сейчас был март. Зна-

чит, я провел в человеческом обличе около двух месяцев. Возможно, чем дольше я остаюсь смертным, тем слабее становлюсь и тем сложнее мне будет снова стать богом.

Было ли так в прошлые два раза, когда Зевс изгонял меня на Землю? Не помню. Порой я не мог вспомнить даже вкуса амброзии, имен коней, запряженных в солнечную колесницу, и лица Артемиды — моей сестры-близнеца. (Раньше я сказал бы, что забыть ее лицо — настоящее счастье, а теперь мне ужасно ее не хватало. Но даже не думайте рассказывать ей об этом!)

Пока мы ползли по коридору, у меня в колчане жужжала, как телефон, поставленный на беззвучный режим, волшебная Стрела Додоны, которая рвалась наружу, чтобы дать мне очередной совет.

Я старался не обращать на нее внимания.

Последние ее советы оказались ужасной чушью. Хуже того: это была чушь на шекспировском языке, с таким количеством всевозможных «мя», «сие», «ибо» и «воистину», что мне становилось плохо. Никогда не любил 90-е годы. (В смысле 1590-е.) Я решил, что, может быть, посоветуюсь со стрелой, когда мы доберемся до Палм-Спрингс. *Если* доберемся...

Гроувер остановился на очередной развилке и принялся: сначала к правому туннелю, затем к левому. Нос у него дрожал, как у кролика, почуявшего собак. Вдруг он завопил «Назад!» — и попятился. Коридор был таким узким, что сатир упал прямо ко мне на колени, из-за чего я грохнулся на колени к Мэг, которая, испуганно хрюкнув, упала на землю. Не успел я возмутиться, что групповой массаж — это не мое, как у меня заложило уши. Воздух стал невероятно сухим. На меня нахлынул резкий